

ли по плащу, по тёплому свитеру, по удочке и субботним вечером отправились в облюбованное местечко на приткнувшуюся почти к самой реке полянку. Опыт организации подобной ночёвки был только книжный, но шалаш мы построили довольно быстро - связали несколько жердей, переплели их ветвями и травой. Внутри натаскали опавших листьев, перед входом разложили костёр. Рыбачили дотемна, и хоть улов был небогатый - всего лишь четыре пескаря, сварили уху. Долго сидели у костра - пока не сожгли огромную кучу заготовленного впрок сушняка. Жарили хлеб, разговаривали вполголоса, время от времени прислушиваясь к звукам ночного леса, следили за улетающими в чёрное небо искорками. Полянка была крохотная, окружённая со всех сторон деревьями, да и от посёлка было довольно далеко - километра четыре, поэтому костра нашего даже с Никольской горы было не разглядеть. А мама, оказывается, поднималась по темноте на гору, пытаясь рассмотреть далёкий огонёк. Волновалась за меня, за моего друга. Об этом она мне рассказала, спустя несколько лет. Вот ведь - волновалась, даже где-то была против моих идей, но не запрещала, а, наоборот, помогала. Причём помощь она оказывала самую, что ни на есть, существенную, может быть, главную! Помогала приобрести самостоятельность, помогала накапливать уверенность в своих силах, способностях. И никогда ничего не запрещала, понимая, что запретом можно погубить всё - и стремления, и мечты, и установившиеся хорошие отношения. Она считала, что опыт - личный опыт, это лучший учитель.

Кстати, сама ночь тогда прошла нормально, но утром ударил мороз. Вся поляна покрылась инеем, взятые из дома плащи совсем не спасали от холода. Мы, дрожая, бегали по зарослям, собирая сухие сучки для костра, чтобы хоть как-то отогреться перед возвращением домой - очень уж не хотелось признаваться в своей промашке. Накануне мама предложила взять с собой одеяло, картошки и банку консервов, но куда было деть напыщенную тупость: это ведь я перечитал десяток книг о путешествиях в лесу, а не она, это я себя считал докой в лесной жизни.

- Консервы не нужны, мы наловим рыбы, вместо картошки накопаем стрелолиста, а от холода спасёт костёр - эвенки так зимние ночи у костра коротают, - снисходительно ответил я на её предложения и предостережения.

Теперь я бегал по лесу, стараясь унять бившую меня крупную, нескончаемую дрожь, поминутно засовывая пальцы то в рот, то под мышки, и никак не мог согреться. Потом сидел у самого огня, рискуя обжечься и опалить себе лицо. Очень хотелось есть. Хлеб мы съели накануне, остатки ухи выгребли тогда

же. Идти копать клубни стрелолиста (растение, растущее по берегам рек), было делом безнадежным и просто опасным: в такое холодное утро лезть в воду можно было лишь от великой нужды. Пришлось признать поражение - едва отогревшись, мы с другом потащились домой. Как я благодарен маме - она ни словом, ни жестом не напомнила мне о промашке, пощадила самолюбие. Она встретила горячим чаем, вкусными, горячими пирожками и неизменно добрым взглядом.

- Ну, доволен, что ли? - наливая третий стакан чая и подкладывая поближе ко мне сахар и варенье, спросила она. Я махнул головой и попытался спрятать взгляд.

Раз мы приехали на несколько дней в Санкт-Петербург, тогдашний Ленинград - мама любила устраивать подобные поездки-экскурсии на летних каникулах. Я закончил шестой или седьмой класс. Поездка была интересной. Мы бродили по улицам города, ходили по музеям и театрам. Мне тогда особенно понравился

Музей антропологии и этнографии и в предпоследний день я попросил разрешения ещё раз сходить в этот музей.

- Иди, - сказала мама, - через дорогу осторожнее, по городу не заблудись.

Она на всякий случай написала на листке бумаги адрес своей подруги, у которой мы остановились, и номера маршрутных автобусов. Сама же с Сергеем, моим младшим братишкой, ушла в Эрмитаж. Часа два или три я бродил по музею, а затем в одиночку добирался в дальний жилой район. Для городского человека это, естественно, не подвиг, но для меня - жителя маленького населённого пункта, подобные уроки были довольно существенны.

Мама понимала меня с полуслова. В детстве и потом, когда я стал много старше, я без боязни мог поделиться с ней не только радостью или какой-то жизненной неудачей, я мог поделиться даже самой нелепой мечтой.

- Нелегко тебе придётся, - сказала она однажды.

Я тогда только что вернулся с Дальнего Востока, где почти целый сезон мы с другом Владимиром работали в лесоустроительной партии. Мама слушала мой рассказ, но не особо удивлялась выпавшим нам приключениям и трудностям: она уже поняла, что ей придётся как-то мириться с этим моим желанием не сидеть дома.

- Нелегко тебе придётся. Запросы уж больно у тебя к жизни высокие. Да и самой жизни хватит ли на всё? - она посмотрела на меня, подумала и добавила:

- В школе тебе место. Где тебе ещё удастся реализовать свои идеи, свои мечты?

Она оказалась права и здесь. Именно в школе пригодился мой интерес к путешествиям, к природе,

В одном из походов. Переход через болото.